

Дискурсы отчуждения: «суверенитет» и «европеизация» в отношениях России и ЕС

Сергей Медведев, Высшая Школа Экономики, Москва¹

Вступление

Двадцать лет тому назад, когда еще был жив Советский Союз и еще не родился Евросоюз, Михаил Горбачев выдвинул романтическую идею «общеевропейского дома», в котором должны были встретиться обе части разделенного континента. Двадцать лет спустя, Европа и Россия по-прежнему разделены, и «общий дом» строится без России, ревнивого соседа.² Показательно, что первый русский перевод полного текста Конституционного Договора ЕС, опубликованный в 2005 году, озаглавлен «Европа без России».³

Сегодня отношения между Россией и ЕС напоминают не горбачевскую утопию, а скорее брежневский застой. В 1970е и в начале 1980-х гг. нарастающий структурный кризис советской системы был замаскирован высокими ценами на нефть и притоком нефтедолларов, а также символической экономикой СССР: помпезными партийными съездами и парадами, дутыми пятилетними планами и победными реляциями с заводов и полей. Точно так же нынешние отношения между Россией и ЕС замаскированы растущим экспортом углеводородов и шумной символической деятельностью – торжественными саммитами, стратегиями, «дорожными картами» и ритуальными призывами к «стратегическому партнерству».

¹ Эта статья подготовлена в рамках проекта «Пределы интеграции: идентичность и институты в отношениях России и ЕС», осуществляемого на средства гранта Научного Фонда ГУ-ВШЭ, № проекта 07-0185

² Katinka Barysch, *The EU and Russia. Strategic partners or squabbling neighbours?* Centre for European Reform, May 2004, p. 1

³ *Европа без России. Договор, учреждающий Конституцию для Европы от 20 октября 2004 года.* М.: Европа, 2005.

За потоками нефти и газа и за символической дипломатией скрываются далеко не идеальные отношения. Повестка дня диалога России и ЕС перегружена постоянными бюрократическими спорами по техническим вопросам, таким как квоты на экспорт российской стали, плата европейских перевозчиков за перелеты над Сибирью, проблема калининградского транзита и т.п. Более того, возросшая потребность ЕС в российском газе и нефти стала предметом постоянного напряжения, поскольку ЕС нуждается в гарантированных поставках (за счет обеспечения надежного и дешевого транзита энергии через территорию России и присоединения России к Европейской Энергетической Хартии), тогда как Россия нуждается в гарантированном спросе (к примеру, путем покупки долей в европейских распределительных сетях, т.н. «последней мили» к европейскому потребителю энергии).

В каком-то смысле, в отношениях Россия-ЕС всегда есть некий «неразменный пятак» – неугасающий конфликт. Едва, казалось бы, в конце 2007 года Польша сняла вето на начало переговоров о базовом соглашении России и ЕС взамен истекшего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) после урегулирования вопросов о поставках в Россию польского мяса, как эстафету приняла Литва, заблокировав переговоры России и ЕС в апреле 2008 года, требуя включения в мандат на переговоры возобновления поставок в Литву российской нефти по нефтепроводу «Дружба».⁴ И хотя эти вопросы могут казаться чисто техническими (ведь многие из них легко решаемы!), они затрагивают куда более серьезные проблемы в отношениях России и ЕС: взаимное недоверие, недовольство друг другом и, в целом, институциональный паралич, вызывающий постоянные раздоры. Как заметил Александр Рар, «фундамент отношений между Россией и ЕС шаткий настолько, насколько это возможно»⁵.

Здесь можно говорить о крушении иллюзий в отношениях России и ЕС. С приходом к власти в России Владимира Путина и оформлением (или скорее возвращением) полуавторитарного бюрократического государства ЕС окончательно разочаровался в перспективах европеизации России. Также и для России Евросоюз стал куда менее привлекательным, чем в 1990е годы: по словам Дмитрия Тренина, «ЕС все больше воспринимается как сверхбюрократизированное образование, проводящее социалистическую экономическую политику, препятствующую экономическому росту»⁶.

⁴ РИА «Новости», 29 апреля 2008 г.

⁵ Рар Александр, «С каждым днем Россия и ЕС все острее нуждаются друг в друге», *Российская газета*, 26 октября 2004, с. 13.

⁶ Дмитрий Тренин. *Интеграция и идентичность. Россия как «новый Запад»*, М.: Европа, 2006, с. 370-371.

Это взаимное недовольство тем более удивительно, что ЕС и Россия жизненно взаимосвязаны в сферах внешней и внутренней безопасности, в гуманитарных вопросах, а также в торгово-экономических отношениях: на долю ЕС приходится около 50% внешней торговли России и большинство прямых иностранных инвестиций в Россию. Парадоксальность ситуации заключается в том, что чем ближе ЕС и Россия становятся друг к другу, территориально или экономически, тем более проблематичными становятся их отношения, так что, в опровержение всех неолиберальных теорий, взаимосвязанность и сопредельность превращаются в источник постоянных разногласий.

Другой парадокс состоит в том, что на бумаге отношения выглядят вполне нормальными. В диалоге ЕС и России документов всегда было с избытком, начиная с Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС), подписанного в 1994 и вступившего в силу в 1997 году, и заканчивая разнообразными стратегиями (включая «Общую стратегию ЕС по России», принятую в 1999 году, и ответную российскую «Среднесрочную стратегию» по отношению к ЕС)⁷. Тем не менее, провозглашенное «стратегическое партнерство» не было подкреплено реальными механизмами сотрудничества, сроками и критериями, которые, напротив, характеризуют отношения Евросоюза с государствами-кандидатами на вступление в ЕС. Без перспективы членства России в ЕС весь корпус текстов, подписанных в рамках отношений России и ЕС, остается по существу декларацией о намерениях, инструментом уклонения от политики, а не руководством к действию.

В этом смысле невозможность начать переговоры по новому базовому соглашению России и ЕС, которое заменит СПС, не ведет к юридическому вакууму. Согласно статье 106 Соглашения, оно может обновляться сколько угодно раз, если обе стороны захотят этого – и при этом можно избежать трудоемкого процесса переговоров и неизбежных трудностей с ратификацией нового документа. Как отметил Тимофей Бордачев,

«Формат политических и юридических отношений между Россией и ЕС незначительно влияет на развитие их реальной интеграции в тех областях, где есть взаимный интерес. Многие страны, имеющие более тесные и эффективные связи с ЕС, чем Россия, не пытаются формализовать свои обязательства путем ратификации их в парламенте и включения их в национальное законодательство. Одной из таких стран являются США: они имеют безвизовый режим и огромный торговый оборот с ЕС, однако все это осуществляется посредством общих

⁷ См. Hiski Haukkala and Sergei Medvedev (eds.), *The EU Common Strategy on Russia: Learning the Grammar of the CFSP*, Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs, 2001.

политических деклараций, наряду с пакетами двусторонних соглашений и обязательными к исполнению планами по отдельным вопросам»⁸.

То же самое можно сказать и о последнем добавлении к списку документов, регламентирующих отношения России и ЕС, -- о четырех «дорожных картах», соответствующих четырем сферам взаимодействия: общее экономическое пространство, общее пространство свободы, безопасности и правосудия, общее пространство внешней безопасности и общее пространство науки, образования и культуры. Принятые на саммите ЕС-Россия в Санкт-Петербурге в мае 2005 года, «дорожные карты» представляют около 400 позиций, в основном сформулированных в терминах «сотрудничества» и «диалога», но весьма туманных в плане их осуществления. Констатируя отсутствие стратегического видения, политических инструментов и даже точных определений, Майкл Эмерсон назвал эти общие пространства «расширением зоны неясности» в отношениях ЕС и России⁹. Здесь Эмерсон цитирует французского философа Поля Тибо, писавшего о проекте Конституционного Договора ЕС в канун референдума во Франции:

«Конституционный договор ... поворачивается спиной к истории, которая, как пытаются представить, была лишь печальным опытом, и остается неопределенно растяжимым в отношении своей географии и сфер ответственности. Расширение зоны неясности является способом существования для Европейского Союза, и Конституция не хочет положить этому конец»¹⁰.

Схожим образом, Андрей Макарычев описал язык «общих пространств» как «дискурсивную стратегию неопределенности» Европейского Союза, которая предоставляет широкие возможности для различных интерпретаций базовых понятий, лежащих в основе отношений России и ЕС¹¹. В то же время в часто цитируемом докладе Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) документ об общих пространствах был

⁸ Timofey Bordachev, *Russia and the European Union after 2007*, in Michael Emerson, ed., *The Elephant and the Bear Try Again. Options for a New Agreement between the EU and Russia*. Brussels, CEPS, 2006

⁹ Michael Emerson, *EU-Russia, "Four Common Spaces and the Proliferation of the Fuzzy"*, CEPS Policy Brief, No. 71, May 2005, p. 3.

¹⁰ Paul Thibaud, "Qui sont et où sont les bons européens?", *Le Monde*, 11 May 2005

¹¹ Andrei S. Makarychev, "The four spaces and the four freedoms: An exercise in semantic deconstruction of the EU discourse", *Nizhny Novgorod Linguistic University Working Paper Series*, No. 1-2, p. 31.

раскритикован как лишь промежуточный этап в отношениях между ЕС и Россией, что отражает дефицит стратегического видения у обеих сторон¹².

Действительно, ни Москва, ни Брюссель не могут сформулировать ни долгосрочные цели отношений, ни общие ценности, нормы и интересы, которые легли бы в основу стратегического сотрудничества. Примечательно, что к середине 2000х годов официальная политика России в отношении Евросоюза была сведена до простого заявления о том, что «Россия не стремится стать членом ЕС». Очевидно, что такое негативистское заявление не может формировать стратегическую повестку дня¹³.

«Суверенитет» против «европеизации»

В отношениях России и ЕС есть дефицит долгосрочных целей, и дело здесь не только в отсутствии политической воли с обеих сторон. Существует объективная логика, а именно различие между внутривластными дискурсами о суверенитете в России и в Европе.

Основное отличие заключается в том, что в своем стратегическом мышлении Москва руководствуется «вестфальскими» представлениями о суверенитете. Возвращение и укрепление государства было ключевым пунктом обоих сроков правления Владимира Путина. Идеи «суверенной демократии» и «национализации будущего» были озвучены главным кремлевским идеологом Владиславом Сурковым¹⁴. Как отметил Дерек Авер,

«нынешнее стремление увеличить власть государства, поддержанное большинством российской политической элиты как необходимый инструмент национального возрождения и как коррекция беспорядка ельцинской эпохи, не создает внутреннего стимула для реформ и не дает внешней точки отсчета, которая позволила бы начать многостороннее сотрудничество с Европой, особенно в условиях изменяющейся международной системы и трансформирующегося понимания суверенитета»¹⁵.

¹² Сергей Караганов. *Отношения России и Европейского Союза: современная ситуация и перспективы*. М.: СВОП, 2005, параграфы 1.4.2-1.4.4.

¹³ Караганов, параграф 1.2.2.

¹⁴ Владислав Сурков. «Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности», речь на собрании Единой России, 7 февраля 2006. www.edinros.ru/news.html?id=111148. Владислав Сурков, Национализация будущего, *Эксперт*, № 43, 20 ноября 2006.

¹⁵ Derek Averre, “Russia and the European Union: Convergence of Divergence?”, *European Security*, Vol. 14, no. 2, June 2005, p. 175.

С точки зрения суверенитета, Россия еще не решила для себя, как ей воспринимать новый тип «политического животного», Евросоюз. ЕС – непростой партнер. Его описывают как «уникального, если не сказать странного, политического актора с разделенными и конкурирующими институтами, нечетким суверенитетом, с неразвитым чувством общих интересов и с недостаточным количеством институтов, необходимых для достижения заявленных целей»¹⁶, а также как «бюрократическую организацию практически без политического лидерства»¹⁷. В этом смысле для России неясно, где находится политическая власть в Европе: в столицах национальных государств, в Совете ЕС или же в Еврокомиссии. Российские политики часто задаются тем же вопросом, что Генри Киссинджер в 1970х: «Если у Европы есть внешняя политика, дайте мне ее номер телефона!». Часто Россия прибегает к испытанному принципу двусторонних отношений, но обнаруживает, что двусторонние соглашения (к примеру, договоренности «Газпрома» с европейскими правительствами) сталкиваются с ограничениями ЕС, и тогда России приходится обращаться к Еврокомиссии, куда менее открытой для сотрудничества.

Что касается ЕС, он также не сформулировал долгосрочного видения своих отношений с Россией. Для политиков Евросоюза основной структурной проблемой является тот факт, что Россия не имеет так называемого «призвания к членству» (*vocation for membership*), и они не до конца понимают, как сотрудничать с соседом, который к ним не присоединится. После пятидесяти лет успешной интеграции и адаптации к окружающему миру Евросоюз до сих пор остается интеграционной структурой. В ее основе заложен набор бюрократических правил, процедур и институтов, нацеленных на трансформацию стран и территорий по универсальным стандартам. Однако, как отметил Майкл Эмерсон, у Евросоюза нет четко определенной модели экспорта этих законов, норм и ценностей «помимо слабых и туманных производных от процесса расширения, в то время как он не может позволить себе дальнейшее расширение по жизненным, даже по экзистенциальным причинам».¹⁸ Как только выясняется, что некая страна не может быть интегрирована, технократическое интеграционное мышление оказывается неспособно сформулировать стратегические перспективы и согласованную политику. Иными словами, метод работы ЕС можно охарактеризовать как технократический и бюрократический, а не как политический и стратегический.

¹⁶ Dov Lynch, “Russia faces Europe”, EU-ISS Brief, May 2003.

¹⁷ Andrei Makarychev, “Russia’s discursive construction of Europe and herself: Towards New Spatial Imagery”, Nizhny Novgorod Linguistic University Working Paper Series, No. 1-2, p. 5.

¹⁸ Emerson, *The Proliferation of the Fuzzy*, p.4

Технократическая интеграционная логика ЕС во многом объясняет политическую практику «вмешательства» ЕС во внутренние дела России, что так часто раздражает российскую сторону. В очевидном стремлении сформировать Россию по своему собственному образу и подобию, Евросоюз проецирует свои ценности, нормы и правила (но также и продвигает свои материальные интересы), ожидая, что Россия примет правила игры, прописанные ЕС. Это не более, чем проекция внутренней логики Евросоюза – ЕС вел себя так же в отношении Словакии или Эстонии – но без обещания включить Россию в свой состав.

Экстраполяция внутренней логики ЕС очевидна, если обратиться к таким документам, регулирующим отношения с Россией, как Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), Общая стратегия по России, Европейская политика добрососедства (в которой Россия не желает участвовать), «дорожные карты» общих пространств России и ЕС. Все эти документы написаны бюрократическим языком Евросоюза. Начиная с первого варианта СПС, подготовленного в начале 1990х, когда Россия воспринималась как «нация в период транзита», нуждающаяся в совете и помощи, все эти документы основаны исключительно на представлениях Евросоюза о том, каким образом должны строиться отношения с соседями. Согласно Эмерсону, обширный текст СПС был по сути разбавленным вариантом «Европейских Соглашений», подписанных Брюсселем с новыми независимыми государствами Центральной и Восточной Европы, когда они стремились вступить в ЕС. Россия в тот момент была лишь одним из учеников в классе посткоммунистических стран¹⁹. Схожим образом, Европейская политика добрососедства

«сама по себе является слабой и размытой производной от всего процесса расширения ЕС. Эта политика охватывает ту же всеобъемлющую повестку дня внутренней политики ЕС, те же компетенции и политические ценности, что и в процессе расширения, но при этом не предлагает мега-стимула в виде членства в Евросоюзе. Четыре «общих пространства» (*между Россией и ЕС – С.М.*) – это еще более слабые и туманные производные Европейской политики добрососедства²⁰».

Набор политических практик и инструментов ЕС, предназначенных для регулирования отношений с внешним окружением, называется **европеизацией**. Под этим

¹⁹ Michel Emerson, Introduction, in Michael Emerson (ed.) *The Elephant and the Bear Try Again: Options for the New Agreement between the EU and Russia*, Brussels: CEPS, 2006

²⁰ Emerson, p. 3. As the author further concedes, the EU “has worked out for itself a well-identified corpus of law, norms and values. But it does not have a well-defined model for exporting these”. (Ibid., p. 4.)

термином брюссельский Центр Изучения Европейской Политики (CEPS) понимает «трансформацию национальной политики и процесса выработки политических решений в соответствии с современными европейскими ценностями и стандартами посредством:

- Юридических и институциональных обязательств, вытекающих из норм и правил ЕС и Совета Европы;
- Объективных изменений в экономических структурах и интересах индивидов в результате интеграции;
- Субъективных изменений в верованиях, ожиданиях и идентичности»²¹.

«Европеизация» является традиционным евроцентристским дискурсом, который следует историческим толкованиям «западности» (понимание западных ценностей и практик как универсальных и не подлежащих обсуждению, из чего вытекает цивилизаторская миссия Запада) и «восточности» (Восток как варварское, не имеющее морали и закона, пространство, подлежащее обращению и трансформации)²². Согласно Ютте Вельдес, в западном культурном мышлении содержится некий императив, который дает Западу право или даже обязанность вмешиваться в общественное развитие других и направлять их на истинный западный путь социальной справедливости и процветания. Взяв на вооружение этот императив, Запад имеет своего рода оправдание всякий раз, когда настаивает на повсеместном воспроизводстве своих ценностей и институтов²³. В этом контексте Славой Жижек говорит о «евроцентристской практике навязывания своей гегемонии путем исключаяющей дискурсивной стратегии обесценивания Другого»²⁴.

Несмотря на все свои постмодернистские заявления об «отрицании политики силы»²⁵, Евросоюз является прямым наследником западной миссионерской традиции²⁶. Если посмотреть на глубинные корни Евросоюза, то можно обнаружить западную теорию

²¹ The Wider Europe Matrix, Presentation by the Center for European Policy Studies, November 2005, Moscow

²² Marko Lehti, 'Competing or Complementary Images: The North and the Baltic World from the Historical Perspective', in Hiski Haukkala (ed.), *Dynamic Aspects of the Northern Dimension* (Turku: Jean Monnet Unit, University of Turku 1999), p. 22

²³ Jutta Weldes, 'Going Cultural: *Star Trek*, State Action and Popular Culture', *Millennium* 28/1 (1999) p.131.

²⁴ Slavoj Zizek. *Da capo senza fine*. In: Judith Butler, Ernesto Laclau and Slavoj Zizek (eds) *Contingency, Hegemony, Universality. Contemporary Dialogue on the Left*. London and New York, Verso, 2000, p. 231

²⁵ Robert Kagan, "Power and Weakness", *Policy Review*, June 2002, <http://www.policyreview.org/JUN02/kagan.html>

²⁶ Анализ элементов миссионерства ЕС в мировой политике см. Henrik Larsen, 'The Discourse on the EU's Role in the World', in Birthe Hansen and Bertel Heurlin (eds), *The New World Order: Contrasting Theories* (Houndmills: Palgrave Macmillan 2000) pp.217–44.

«демократического мира» – идею о том, что либеральные демократии не воюют друг с другом. Европейские Сообщества были созданы с целью примирить Францию и Германию, две нации, стоявшие у истоков трех европейских войн на протяжении семидесяти лет (1870-1939). Эта «мирная миссия» являлась движущей идеей в последующих расширениях ЕС и придает смысл дальнейшему продвижению границ Евросоюза и распространению либеральных демократических ценностей вовне его внешнего периметра²⁷. Как говорил бывший председатель Еврокомиссии Романо Проди:

«Европе необходимо проецировать свою модель общества в мир. Мы здесь не просто для того, чтобы защитить наши собственные интересы: мы предлагаем уникальный исторический опыт. Опыт освобождения людей от бедности, войн, гнета и нетерпимости. Мы создали модель развития и континентальной интеграции, построенную на принципах демократии, свободы и солидарности, и эта модель работает»²⁸.

В этом смысле Кристофер Браунинг описывает «европеизацию» как процесс «развития» аутсайдеров до «стандартов нашего уровня», который представляет других как обделенных моральными качествами. В подтверждение приводится тот факт, что для членства в ЕС странам-кандидатам требуется быть исследованными на предмет соответствия стандартам демократии, верховенства права, прав человека, экономических структур и т.д.²⁹. В случае несоответствия этим стандартам стране-кандидату отказывается в равной субъектности с членами Евросоюза, и она приговаривается к исключению³⁰. Это именно то, что случилось с образом России в Европе после того, как стало ясно, что она больше не соответствует идеальной европейской нормативной модели и движется к полуавторитарному бюрократическому режиму. Разочарование в «европеизации» России привело к ее последующей маргинализации и изоляции в дискурсах и практиках Евросоюза.

В ответ на дискурсивное наступление ЕС Россия выступила с идеей о своей «исключительности». Как выразился Глеб Павловский, «государственное образование со

²⁷ Christopher S. Browning, "The Region-Building Approach Revisited: The Continued Othering of Russia in Discourses of Region-Building in the European North", *Geopolitics*, Vol. 8, No. 1 (Spring 2003), p. 45.

²⁸ Romano Prodi, '2000–2005: Shaping the New Europe', European Parliament, Strasbourg, 15 February 2000. Available at <<http://europa.int/>>.

²⁹ Thomas Christiansen and Pertti Joenniemi, 'Politics on the Edge: On the Restructuring of Borders in the North of Europe', in Heikki Eskelinen, Ikka Liikanen and Jukka Oksa (eds), *Curtains of Iron and Gold: Reconstructing Borders and Scales of Interaction* (Aldershot: Ashgate 1999) p. 90.

³⁰ Browning, p. 57.

столицами в Страсбурге и Брюсселе не может являться центром для тех, кто живет в Киеве или в Москве, даже если они и чувствуют себя европейцами»³¹. Однако даже если эта дискурсивный маневр и удастся и Россия останется «исключением», аргумент «особого случая» все равно ведет к косвенному признанию Европы как гегемонистской «нормы». В этой модели к «исключительной» России будут просто толерантны, но не признают ее в ее самобытности.

Пересмотр роли государства

Несмотря на все очевидные различия, идеи «суверенитета» и «европеизации» имеют одно сходство: это две разных реакции на силы глобализации, два разных пути управления неопределенностью и глобальными рисками, возникшими в последние годы. Нынешний этап глобализации испытывает на прочность ключевые параметры политики модерна: суверенитет, государственность и бюрократию, и Евросоюз и Россия находят свои ответы на этот вызов.

Глобализация – это двуликий Янус: с первого взгляда она кажется силой унификации, интеграции и стандартизации. Для нее характерно повсеместное проникновение свободных рынков и информационных сетей, она сопровождается распространением специфически американского варианта западной культуры («Кока-колонизация»), и она легитимизируется всеобщим признанием демократии и прав человека как универсальных ценностей. Очевидное политическое следствие глобализации – это «десуверенизация» и уменьшение роли национальных государств как основы для международных отношений.

Но есть и другая сторона медали. Глобализация – это и международный терроризм, и глобальные преступные сети, и потоки нелегальных мигрантов,-- тенденции, которые ведут к мобилизации оставшихся ресурсов национальных государств. Наконец, существуют множество движений за идентичность, которые возникают в качестве протеста против глобализации, хотя сами они неизбежно глобальны: чеченские сепаратисты, мексиканские запатисты, японская секта «Аум Синрике», так же как и сами антиглобалисты, живут по законам глобализации: размещают свои представительства в Интернете, создают глобальные сети и выходят за пределы национальных границ.

³¹ Глеб Павловский, «Россия все еще ищет свою роль в мире», *Независимая газета*, 31 мая 2004.

Здесь действуют две силы – глобализация против адаптации (или открытого сопротивления). Эта коллизия была по-разному названа различными авторами: «Сеть и Личность» (Мануэль Кастельс)³²; «МакМир и Джихад» (Бенджамин Барбер)³³; «Лексус и оливковое дерево» (Томас Фридман)³⁴. Практически любой тенденции, направленной на унификацию и интеграцию, противостоят стратегии адаптации национальных государств, местных культур, групп и индивидов, а также различные идентичности протеста:

- Денационализации, десоверенизации и размыванию границ противостоят ренационализация и провозглашение национальными государствами своей неотъемлемой монополии на насилие, безопасность и границы.
- Интеграции (к примеру, расширению ЕС) противостоит фрагментация (например, в бывшей Югославии и в Грузии).
- Стремлению глобальных рынков к унификации и всеобщему насаждению неолиберальных стратегий противостоит возвращение национального государства как очага идентичности и платформы культурного сопротивления глобализации. Наблюдается также очевидное стремление к протекционизму и даже к ренационализации стратегических отраслей («ресурсный национализм»), как недавно произошло с нефтяной отраслью в Боливии.
- Американизации глобальной культуры противостоит рост антиамериканизма в Европе, России и странах Третьего Мира.
- Росту «новой экономики» противостоит тяжеловесная «старая экономика», и ее главный товар, нефть, которая сейчас важна не менее, чем в XX веке. По всей вероятности, важность углеводородов для мировой экономики возрастет, в т.ч. в развитых странах, и это будет сопровождаться ростом глобальной конкуренции и моделей зависимости и отсталости.
- Распространению «либерального империализма» Запада³⁵ и становлению т.н. «нового миропорядка» (к примеру, в Косово, Афганистане и Ираке) противостоит растущая мощь мирового терроризма и угроза «наступающей анархии» (Роберт Каплан)³⁶;

³² Manuel Castells, *The Information Age. Economy, Society and Culture*, 2nd ed., Oxford: Blackwell, 2004.

³³ Benjamin Barber, *Jihad versus McWorld. How Globalism and Tribalism Are Reshaping the World*, New York: Random House, 1996,

³⁴ Thomas L. Friedman, *The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization*, New York: Farrar Straus and Giroux, 1999.

³⁵ Robert Cooper, “The New Liberal Imperialism”, *Observer*, 7 April 2002

³⁶ Robert Kaplan, *The Coming Anarchy: Shattering the Dream of the Post-Cold War*, New York: Vintage, 2001.

одновременно растет региональная нестабильность в беспокойных сопредельных территориях Европы (Северная Африка, Ближний и Средний Восток, Кавказ).

Во всех этих случаях ключевой переменной и яблоком раздора является национальное государство: подвергается ли оно фрагментации, уменьшению и разрушению за счет сил глобализации и интеграции или же оно восстанавливается и укрепляется силами культурного сопротивления, местного патриотизма, протекционизма и идентичности? Какие стратегии адаптации доступны для национальных государств? Консолидирует ли государство свой суверенитет, укрепляет ли оно государственность и традиционный национализм, или же оно совмещает свой суверенитет с другими нациями, передавая часть функций в наднациональное управление и создавая новые региональные и транснациональные идентичности?

Эти вопросы являются ключевыми для нынешних отношений Россия-ЕС. ЕС проходит через сложный период адаптации к новому уровню интеграции, когда Союз расширился до 27 членов и стоит на грани превращения в квази-федеративное государство после принятия Лиссабонского Договора. Споры о «Старой Европе» и «Новой Европе», карикатурные изображения «польского сантехника», отнимающего рабочие места на Западе, заявки Украины и Грузии на членство в Евросоюзе и в особенности противоречия, связанные с идеей принятия Турции, поставили под сомнение сами границы европейского проекта.

Тем временем, в Европе со всей остротой встал исламский вопрос, о чем свидетельствуют «карикатурный кризис», связанный с изображением Пророка Мухаммеда, и ожесточенные дискуссии о мусульманских платках (хиджабах) во французских школах в 2004 году, бунты в исламских гетто ряда европейских городов в 2005-2007 гг., и надвигающаяся угроза исламского терроризма в Европе, обозначенная взрывами в Мадриде и Лондоне в 2004-2005 годах. То, что раньше рассматривалось как внешний вызов для Европы, превратилось в вопрос внутренней политики, социального сплочения, безопасности и идентичности. С возвращением образа «столкновения цивилизаций» заявка Турции на членство в Евросоюзе стала еще более проблематичной.

В этом смысле европеизация может рассматриваться как стратегия глобального управления рисками. ЕС хочет минимизировать неопределенность, связанную со своим внешним окружением (Украина, Россия, Турция, Северная Африка, энергетическая безопасность), путем распространения своих бюрократических норм и процедур. Под видом распространения европейских ценностей ЕС следует курсом *бюрократического империализма*, который нацелен на трансформацию соседних государств и на частичный контроль над ними при помощи таких инструментов как Европейская политика

добрососедства, документы об «Общих пространствах» России и ЕС, Энергетическая хартия и т.д. Это довольно старомодная стратегия управления рисками, нацеленная на контроль над непредвиденными обстоятельствами, а не на адаптацию к ним.

Россия также проходит через сложный период адаптации к глобальным рискам, что заставляет ее по-новому толковать понятия суверенитета и управления. В течение революционных 1990-ых российское государство отступило и сжалось до уровня, не виданного со времен Гражданской войны 1918-1921 годов. В то же время страна беспрецедентным образом открылась для процессов глобализации. Идеи присоединения России к ЕС и НАТО серьезно рассматривались в начале 1990-ых, в то время как российским регионам было позволено, по словам президента Бориса Ельцина, «брать столько суверенитета, сколько они смогут проглотить». В некоторые моменты ситуация перерастала в чистую анархию, когда государство теряло свое монопольное право на насилие (к примеру, в Чечне в 1996-1999 гг.) или бралось на откуп олигархами. Это сопровождалось социальным расслоением и идеологической неразберихой, когда традиционные российские идеи государственности были маргинализированы правящей либеральной идеологией.

Именно тогда, в середине и конце 1990-ых, сформировался запрос на порядок и стабильность, который проложил дорогу к власти Владимиру Путину. Став Президентом 31 декабря 1999 г., он возглавил российский Термидор, классический постреволюционный процесс, сопровождающийся возрождением государства. Оба президентских срока Путина были посвящены воссозданию российского государства и возвращению позиций, отданных ранее бизнес-элитам, гражданскому обществу, СМИ и Западу.

Государство – ключевое слово в понимании феномена Путина. Изначально он относился к государству как к средству модернизации России и ее адаптации к глобализации: как он сам неоднократно заявлял, для него российская национальная идея заключалась в «конкурентоспособности». Анализируя путинскую повестку дня еще в 2000 году, Питер Ратленд заметил, что его задачей

«была адаптация российского государства к вызовам глобальной среды: требовалось «кастомизировать» глобальные практики и запросы таким образом, чтобы они подходили российским условиям. Во всем мире национальные лидеры боролись за защиту уязвимых социальных групп и охраняли национальную культуру, параллельно приспосабливаясь к конкурентным требованиям глобального рынка. На Востоке это привело к открытию Китая и положило начало дебатам об «азиатских ценностях». На Западе – побудило либералов и социалистов принять принципы свободной торговли и фискального консерватизма. «Загадка

Путина» может быть понята как часть дуги политической трансформации, которая протянулась от Мохаммеда Махатира и Дэн Сяопина до Тони Блэра и Билла Клинтона»³⁷.

Однако, после «дела ЮКОСа» в 2003 г., и особенно после террористического акта в Беслане в 2004 г., с которых началась интенсивная кампания по централизации власти, укрепление государства стало для Путина самоцелью, средством удержания власти, самодвижущимся бюрократическим предприятием. Вероятно, пока режим Путина-Медведева (и сам Путин лично, в качестве премьер-министра или в другой роли) будет оставаться у власти после президентских выборов 2008 г., государство останется ключевым игроком в определении будущего России в средне- и долгосрочной перспективе.

Делая акцент на государстве и суверенитете, Россия, таким образом, осуществляет иную стратегию глобального управления рисками, консервативно-бюрократическую стратегию централизации, нацеленную на минимизацию или исключение внешних рисков (к примеру, фактический запрет на участие Запада в формировании российского гражданского общества, что отражено в печально известном законе об НКО, или ограничение западных компаний в доступе к ключевым нефтяным и газовым месторождениям наподобие Штокмановского или Сахалина-2).

«Суверенитет» и «европеизация» являются двумя конкурирующими бюрократическими стратегиями по управлению глобализацией. Первая стратегия направлена на *защиту* внутреннего порядка, а вторая – на *проецирование* своего внутреннего порядка. Россия усиливает внутреннюю государственность в качестве консервативного средства по уменьшению неопределенности, вызванной глобальными рисками, отсекает риск на границах. ЕС же распространяет свои внутренние структуры для управления этой неопределенностью вне своей территории, минимизирует риск на дальних подступах. Фактически Россия и ЕС поменялись ролями, которые они играли на протяжении второй половины XX века, когда СССР пытался экспортировать свою модель, а Европа была ориентирована на себя саму и воздерживалась от каких-либо внешнеполитических инициатив. Ныне все ровно наоборот: Россия впервые за 500 лет воздерживается от территориальных притязаний и концентрируется на вопросах

³⁷ Peter Rutland, "Putin's Path to Power," *Post-Soviet Affairs*, Vol. 16, no. 4 (December 2000), p. 316.

внутренней политики³⁸, а ЕС превращается в ревизионистскую державу, которая пытается перенести свою модель на соседние государства. Катинка Барыш назвала это «сменой парадигмы в ЕС»:

«Ориентированный внутрь себя самого в течение последних пятидесяти лет, ЕС сейчас разворачивается наружу, стремится определить свою роль в мире и пытается повлиять на развитие событий в своем непосредственном окружении (при этом, однако, воздерживаясь от того, чтобы «интернализировать» исходящие оттуда риски путем дальнейшего расширения)»³⁹.

Обе стратегии управления рисками являются по сути свой модернистскими, нацеленными на устранение или минимизацию неопределенности. (Подлинно постмодернистской стратегией была бы интеграция и интернализация неопределенности плюралистическим путем). Модернистский образ мышления можно объяснить тем, что обе стратегии проводятся бюрократиями, которые нуждаются в самовоспроизводстве и усилении своего влияния либо путем устранения различий (авторитарный проект Путина), либо путем трансформации различий согласно заданной модели (бюрократический империализм ЕС). Андрей Макарычев отмечает парадоксальную симметрию в политической логике Москвы и Брюсселя, цитируя по этому поводу Джефа Гюйсманса, писавшего, что «наиболее радикальная форма политической артикуляции – это желание преодолеть любое остранение (т. е. тот факт, что нам приходится жить с теми, кто не похож на нас) либо путем ликвидации, либо путем радикальной маргинализации тех, кто отличается от нас, либо же путем превращения тех, кто отличается от нас, в похожих на нас»⁴⁰. Это именно то, что заставляет воспринимать европейскую и российскую политики как два полюса одного и того же набора политических опций, противоположных друг другу, но основывающихся на одной политической логике⁴¹.

³⁸ Россия «предпринимает попытку заново сформулировать национальный интерес – на этот раз не на территориальной, а на функциональной основе. Впервые в российской истории понятие национального интереса связано не с грубой силой и не с территориальным контролем, но скорее с внутренней реформой, процветанием и эффективным управлением» (Sergei Medvedev, *Rethinking the National Interest. Putin's Turn in Russian Foreign Policy. Marshall Center Paper #6*, Garmisch, 2004, pp. 55-56).

³⁹ Katinka Barysch, *The future of EU-Russia relations – do we need a new agreement after the PCA?* Notes from the roundtable of December 5-6, 2005 in Potsdam

⁴⁰ Jeff Huysmans, “International Politics of Insecurity: Normativity, Inwardness and the Exception”, *Security Dialogue* No. 37 (2006), p. 21.

⁴¹ Andrey Makarychev, *Neighbors, Exceptions and the Political: A Vocabulary of EU-Russia Inter-Subjective (Dis)Connections*, in Michael Emerson (ed.) *The Elephant and the Bear Try Agan: Options for the New Agreement between the EU and Russia*, Brussels: CEPS, 2006

И хотя сегодня модно считать Россию, а также Китай и Индию ключевыми глобальными игроками, которые действуют по политическому сценарию модерна, ЕС, со всем своим заявленным постмодернизмом, также вовлечен в типичную для модерна практику «отчуждения» (othering). Он делает попытки трансформации «Другого» -- или же, по крайней мере, просто остается толерантным к Другому – но не адаптирует и не интегрирует различие.

Прогноз: патовая ситуация

Столкновение двух модернистских бюрократических проектов – ключевое структурное препятствие в отношениях между ЕС и Россией. Таким образом, среднесрочный прогноз не особенно оптимистичен: скорее всего, отношения ЕС и России зашли в тупик. Диалог между ЕС и Россией будет буксовать из-за аморфных институтов, бессодержательных саммитов и бюрократических споров. Риторическим прикрытием этой хромой политики будут четыре «Общих пространства» с их необязательными к исполнению «дорожными картами». Даже если новые документы и смогут появиться, наподобие нового Базового соглашения России и ЕС, они вряд ли что-то изменят, учитывая традицию принятия документов, необязательных к исполнению, в рамках отношений ЕС и России.

Ключевой проблемой останется системная несовместимость полуавторитарной России, руководствующейся принципами суверенитета и «жесткой власти» (hard power), и интеграционной машины ЕС с ее «бюрократическим империализмом», которая структурно неспособна принять Россию, не склонную поддаваться на интеграционное давление. До тех пор, пока не произойдет значительных изменений в российской внутренней и внешней политике, а также изменений в подходе ЕС к России, отношения между ними будут оставаться в упадке и кризисе.

С обеих сторон политике будет не хватать содержательности и связности, и она скорее будет реагирующей, чем проактивной. Политика ЕС в отношении России будет децентрализована, в ней будут конкурировать различные взгляды на Россию – от традиционно персонализированного подхода Франции, Германии и Италии до исторического недоверия к России со стороны новых членов ЕС из Восточной Европы. В результате восторжествует двусторонняя политика. Примером нынешних разногласий в Евросоюзе является Североевропейский газопровод, которые поддерживают Германия и

ряд стран «старой» Европы и которому противодействуют новые члены ЕС из Восточной Европы.

У России также отсутствует долгосрочное видение своих отношений с ЕС, и она следует курсу политики реагирования и ограничения ущерба. Преследуемая призраком «цветных революций», Москва будет выступать противовесом политики ЕС в их общем зарубежье, воспринимая возможность вступления в ЕС Украины и Молдавии как угрозу для своих национальных интересов. В то же время она будет рада извлечь выгоду из двусторонних отношений, используя внутренние разногласия в ЕС и различия в подходах ЕС и США (к примеру, по вопросу об Ираке).

Некоторые области взаимодействия России и ЕС останутся в экономической сфере – в частности, будут постоянно возникать и решаться проблемы с экспортом природного сырья из России и импортом в Россию продовольствия из ЕС. Гуманитарные вопросы также останутся на повестке дня, хотя их важность снизится из-за размытой институциональной и юридической основы. Помимо этого, вопросы внутренней и внешней безопасности будут особенно дискуссионными, в частности такие проблемы как визовый режим, миграция, реадмиссия и соперничество ЕС и России на пространстве СНГ. Это соперничество будет тем более проблематичным, что Россия отказалась участвовать в Европейской политике добрососедства, которая воспринимается в Москве как вмешательство ЕС в регионе, считающимся естественной зоной интересов России. Многие российские комментаторы воспринимают Европейскую политику добрососедства как попытку Брюсселя возвести «санитарный кордон» на восточной границе ЕС, что приведет к еще большей изоляции России.

Разнообразные виды «измерений» ЕС («Северное измерение», «Восточное измерение») и приграничный регионализм, особенно в периферийных областях Черного моря, Балтийского региона и Северной Европы, могут послужить некоторой компенсацией на фоне ухудшения отношений. Однако, учитывая политическую атмосферу в Москве и в Брюсселе, ни один из этих проектов не получит приоритетного значения, и различные региональные инициативы останутся в том же состоянии хронического недофинансирования, как и в последние 15 лет.

Патовая ситуация в отношениях России и ЕС, видимо, будет продолжительной, без каких-либо стимулов, акторов или политической воли, способных их улучшить. Внутренние затруднения с обеих сторон послужат причиной, по которой Москва и Брюссель заморозят серьезный диалог о долгосрочном будущем своих отношений. Россия находится в процессе смены (или, скорее, воспроизводства) политического режима и ориентирована, прежде всего, на решение внутренних задач; каких-либо серьезных

прорывов в отношениях с ЕС не следует ожидать, по меньшей мере, до конца первого года президентства Дмитрия Медведева. Тем временем ЕС также будет занят вопросами своего внутреннего развития, переваривая последствия расширения и принятия Лиссабонского Договора в декабре 2007 г. В условиях неопределенности Россия явно не станет приоритетным направлением внешней политики ЕС. Более того, она будет рассматриваться как еще одна внешняя угроза, влияние которой необходимо минимизировать.

Иными словами, обе стороны, загруженные своими внутренними проблемами, будут видеть действия другой стороны как угрозу: Россия будет рассматривать ЕС как «оранжевый» вызов внутреннему устройству страны, а ЕС будет относиться к России как к угрозе своей энергетической безопасности, планам по продвижению демократии и по расширению Евросоюза на пространстве СНГ. Это приведет к политике ограничения ущерба с обеих сторон. Тем не менее, обе стороны также должны будут проявить терпимость и сдержанность. Брюссель должен идти на диалог с Москвой из соображений безопасности энергопоставок (особенно учитывая тот факт, что источники в Северном море исчерпаны, на Среднем Востоке растут риски, а резервы Каспия переоценены) и глобальной безопасности (оружие массового поражения, терроризм). Москва должна идти на диалог с Брюсселем ради решения вопросов по экспорту энергоносителей, по общему с ЕС зарубежью, и в целом потому, что Брюссель является для России важным интерфейсом и «окном на Запад». Взаимное раздражение и ограничение ущерба, наряду с неизбежной взаимной терпимостью и потребностью избежать крупных кризисов, приводит нас к феномену «вынужденного партнерства» между Россией и ЕС⁴², в котором много риторики, но не прописаны механизмы исполнения.

Заглядывая за горизонт 2008-2009 гг., не стоит ожидать быстрых изменений. Проблема является не преходящей и связана не только с авторитарным сдвигом в России в период президентства Путина и не только с трудностями в ЕС, связанными с расширением и с конституционной реформой. Проблема заключается и не в плохом качестве отношений России и ЕС, что можно было бы исправить некой «правильной» политикой и содержательными документами. На самом деле проблема состоит в системной несовместимости ЕС и России, которые находятся в разных фазах эволюции

⁴² Graeme P. Herd, "Russia and the EU", in Julie Smith and Charles Jenkins (eds.), *Through the paper curtain*, RIIA, 2003.

своих систем управления пространством⁴³, что приводит их к противоположным взглядам на глобализацию и подталкивает их к модернистским ритуалам «отчуждения» (othering).

Заключение: рекомендации для политики

Уйти от ритуалов отчуждения

Более позитивные сценарии отношений ЕС и России требуют постепенного изменения в менталитете у обеих сторон. Российская элита нуждается в менее изоляционистском и «секьюритизированном» (securitized) представлении о мире, ей стоит избавиться от постимперских комплексов, теорий мирового заговора против России и фобий «оранжевой революции», идущей с Запада. В этом смысле, России следует не идти по пути ограничения ущерба, но попытаться принять европейского Другого и институционализировать различные формы сотрудничества.

Евросоюзу также предстоит проделать большую работу. В частности, механизмы внешней политики ЕС должны быть освобождены от идеологии интеграции и от порочной практики предлагать партнерам в качестве внешнеполитических стратегий вторичные производные от процесса расширения. Европейская система формирования внешней политики должна быть дебюрократизирована и наделена четким политическим видением, основанным на европейских интересах, а не на «европейских ценностях», определенных в терминах цивилизационного превосходства.

Масштаб необходимых перемен тем крупнее, что они включают в себя механизмы формирования идентичности. К середине 2000х гг., после присоединения к ЕС стран Восточной Европы (во многом с русофобскими настроениями в элитах и в массах) и после «цветных революций» на постсоветском пространстве, ЕС и Россия вернулись к противоположным позициям «конституирующих Других» (constitutive Others) в своих проектах идентичности. Новая российская великодержавная идентичность формируется во многом в оппозиции к Западу: к примеру, новый государственный праздник, День национального единства, празднуется 4 ноября, в день, когда поляки были изгнаны из Москвы в 1612 году, что придает празднику отчетливое антизападное звучание. Также и в

⁴³ Согласно Макарычеву, «Россия и ЕС оба находятся в состоянии перемен. Как следует из анализа Владимира Каганского, Россия является собой пример несформировавшегося пространства, которое нуждается в сборке заново. ЕС, хотя и в другом смысле, также основан на далеко не устоявшейся пространственной структуре управления. Поэтому можно только гадать, как могут эти два образования, находящиеся в процессе перемен, установить прочную структуру пространственных взаимоотношений». (Макарычев, «Четыре пространства и четыре свободы», с. 43).

Европе дискурс «отчуждения» России актуализируется по любому поводу, будь то празднование 60-летия победы в Великой Отечественной войне в 2005г., саммит «Большой Восьмерки» в Санкт-Петербурге в 2006 г. или дело об отравлении Александра Литвиненко в конце того же года. В этом смысле, реальные перспективы сотрудничества ЕС и России требуют не менее чем корректировки моделей идентичности.

Работать вне рамок отношений Москвы и Брюсселя

Учитывая, что стагнация в отношениях ЕС и России сохранится в краткосрочной перспективе и что сотрудничество не будет развиваться без системных политических и психологических изменений как в ЕС, так и в России, очевидной политической рекомендацией будет избегать структур и риторики партнерства, и в особенности юридически связывающей системы, в отношениях ЕС и России. Необходимо снизить порог ожиданий, чтобы избежать разочарований.

В сущности, встает вопрос: должен ли сложный комплекс взаимодействий между Россией и Европой зависеть от отношений между Россией и ЕС и уж тем более от забюрократизированного диалога между Москвой и Брюсселем? Российско-европейские отношения слишком, даже жизненно, значимы, чтобы оставлять их на усмотрение бюрократий. Существуют также другие виды диалога, прежде всего традиционные сети двусторонних отношений: между Россией и Германией, Россией и Францией, Россией и Италией и Россией и Финляндией. Страхи, что эти отношения могут разрушить «общий» подход ЕС, беспочвенны, поскольку такого подхода пока что не существует вообще.

Более того, периферийные региональные инициативы, такие как «Северное измерение» ЕС, а также не относящиеся к ЕС Совет государств Балтийского моря (СГБМ) и Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), могут стать полезным интерфейсом для взаимодействия регионов, местных сообществ и групп людей поверх границ. До сих пор эти инициативы были недофинансированы с обеих сторон, но учитывая неопределенные институциональные рамки отношений Россия-ЕС, им можно дать второй шанс.

Усомниться в догмах

Набор идентичностей, инструментов и концепций в отношениях ЕС и России не годится для выхода из тупика. Для того чтобы сдвинуться с мертвой точки, помимо двусторонней и региональной дипломатии, необходимо инновационное, нетривиальное мышление. И хотя это может показаться слишком отдаленным, идеалистическим или

просто политически самоубийственным для правящих элит, рано или поздно необходимо критически взглянуть на догмы политического мышления в Москве и Брюсселе, на российский «суверенитет» и на брюссельскую «европеизацию».

Что касается России, то проблематизация драгоценного «суверенитета» (определенного в терминах жесткой безопасности) может, к примеру означать отмену виз для граждан Евросоюза, «одностороннее визовое разоружение»⁴⁴. Это может послужить толчком в отношениях ЕС и России: Брюссель почувствует, что обязан отреагировать на такой шаг, упростив получение шенгенской визы для граждан России, с перспективой отмены виз вообще.

Кроме того, Россия и ЕС могут экспериментировать с созданием «пилотных регионов» на общих границах, которые послужат полигонами для отработки процедур адаптации законодательства ЕС и безвизовых обменов. Первым из таких регионов мог бы стать Калининград. Идея калининградского анклава, имеющего статус «заморской территории» России была представлена в начале 2005 года, но была отвергнута Кремлем, который увидел в этом угрозу размывания российского суверенитета, и Брюсселем, который не пожелал сделать для России «исключение из правил». И все же, идея о добровольной адаптации частями РФ некоторых норм Евросоюза, не из-за давления Брюсселя, а с чисто прагматической точки зрения, достойна рассмотрения⁴⁵.

Что касается Евросоюза, то ключевой проблемой в его отношениях с Россией является «священная корова» европеизации, которая, по словам Кристофера Браунинга, «предлагает России на выбор: либо быть инкорпорированной в европейскую империю, либо, напротив, стать маргиналией на периферии ЕС»⁴⁶. Авторитарная или демократичная, Россия никогда не сможет смириться с тем, что будет объектом «воспитания», «оцивилизовывания». В этом отношении, «европеизация» вряд ли сможет стать твердой почвой для равноправного сотрудничества.

Кроме того, «исключительность» России также не может явиться долгосрочным основанием для равноправных взаимоотношений с ЕС, поскольку Россия при этом по умолчанию согласится с европейской гегемонией, в рамках которых Россию не примут на равных, но всего лишь проявят к ней толерантность.

Все это возвращает нас к вопросу о глобализации. В поисках путей адаптации к ее рискам и вызовам Россия и Европа возвращаются к традиционным модернистским

⁴⁴ Robert Skidelsky and Pavel Erochkin, "Unilateral visa disarmament", *The Moscow Times*, 28 May 2003.

⁴⁵ Christer Pursiainen, Sergei Medvedev (eds), *The Kaliningrad Partnership in EU-Russia Relations*. Moscow: REСEP, 2005

⁴⁶ Browning, p. 45.

дискурсам. Для России возврат к «суверенитету» в 2000х годах означает возврат к модернистским основам российской государственности последних пяти веков, сформированной в качестве противовеса Западу⁴⁷. В то же время, для ЕС «европеизация» звучит по-постмодернистски, но на практике означает обращение к модернистской телеологии прогресса и колониалистской интерпретации «западности» как блага. Критически оценивая «суверенитет» и «европеизацию», Россия и Европа должны выйти за рамки модернистского мышления и ритуалов «отчуждения» и попытаться принять Другого как данность, а не как то, чему надо противостоять и что нужно трансформировать. В итоге может родиться концепция *европлюрализма*, которая станет новым дискурсивным основанием долгосрочного партнерства Европы и России.

⁴⁷ Marshall Poe, *The Russian Moment in World History*, Princeton: Princeton University Press, 2003.